КРИЗИСНАЯ КУХНЯ — ОПЯТЬ В МОДЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ ЯВЛЕНИЕ ЧАСТОЕ. РЕЦЕПТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ХОТЬ И РАЗНЫЕ, НО ИНГРЕДИЕНТЫ ПОХОЖИ. РОССИЙСКИЕ БОЛЕЗНИ РОСТА В УГЛЕВОДОРОДНОЙ ПОДЛИВЕ УЖЕ СТАЛИ ДЕЖУРНЫМ БЛЮДОМ В МЕЖДУНАРОДНОМ МЕНЮ. ВПРОЧЕМ, КАК ПОКАЗЫВАЕТ МИРОВАЯ ПРАКТИКА, ДЛЯ КАЖДОЙ ПОРЦИИ ПРОБЛЕМ ЕСТЬ СВОЯ ПОРЦИЯ РЕШЕНИЙ. ПАВЕЛ РАВЕН

Развивающиеся рынки потряхивает каждые 5–10 лет. Если взглянуть на «расписание» кризисов, то может показаться, что у мировой экономики весь календарь красный — ни дня без кризиса. Историки творчески подходят к ведению летописи спадов и подъемов мировой экономики. Так, например, Уильям Боннер и Аддисон Уиггин в своей книге «Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI века» обратили внимание только на проблемы финансовых рынков. Их расчеты показали, что с 1792 года американский рынок пережил не менее восьми крупных спадов. Не так уж и много. Но они вели к потере инвесторами в среднем 6% инвестиционного капитала каждый год и длились обычно по 14 лет. Исходя из этой посылки, авторы предсказывают, что спад на рынке акций в этот раз может продлиться до 2014 или даже 2018 года.

Для оптимистов есть другое исследование от экспертов в области стратегического консалтинга. Согласно их расчету, средняя длительность острых общеэкономических спадов составляет 2,9–3,2 года. Исследование охватывает скромный период от Первой мировой до наших дней, но и на нем Monitor Group нашел примерно 76 рецессий и финансовых кризисов, длившихся от нескольких месяцев до восьми лет. Вердикт стратегов — острая фаза кризиса пройдет к концу 2010 года.

Международный валютный фонд по своим методам только за последнюю четверть XX века насчитал более 200 банковских, валютных и долговых кризисов. В них десятки стран утратили от 10% до 30% национальных финансовых активов.

ПО ЦЕПОЧКЕ Впрочем, не бывает потерь без приобретений. За все это время накопленный опыт должен был вылиться в некоторые общие методы выхода из кризисных ситуаций.

«Правило медицины катастроф — урегулировать, в первую очередь, очаги системного риска, из которых пламя может полыхнуть на всю экономику, — делится опытом директор Института финансовых рынков Яков Миркин. — В сентябре источником угрозы были банки и финансовые рынки, в ноябре-феврале — экспортные производства, завтра — могут быть банки, страховые компании, социальный сектор, что угодно».

Финансовые проблемы приходят в экономику загадочными путями, но чаще избирают короткий путь с фондовых рынков. Причиной зачастую становятся спекулятивные игры. Они приводят к резким изменениям цен, а сильные скачки цен часто приводят к перерывам в функционировании рынка. Вместе с ценой падает ликвидность ценных бумаг, и возникающий дефицит ликвидности ведет к росту процентных ставок. В итоге проблема фондового рынка становится уже проблемой ликвидности, недостатка денежных средств.

REUTERS

ПРОВОДЯ АНАЛОГИИ С НЫНЕШНИМ КРИЗИСОМ, ВСЕ БОЛЬШЕЕ ЧИСЛО АНАЛИТИКОВ ВСПОМИНАЮТ «ЧЕРНЫЕ» ВРЕМЕНА ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ

Кризис ликвидности обычно оборачивается сложностями на долговом рынке. Без доступа к кредитным средствам долги не погашаются. Слухи о мнимой или явной неплатежеспособности экономических агентов ведут к изъятию средств из банков, перерастая в банковский кризис. Экономика, привычная к кредитным средствам, оказывается парализованной — возникают трудности на производстве. Так из-за сложных взаимосвязей кризис, стартовав в одной из подсистем, может охватить всю систему.

НА ВСЕХ НЕ ХВАТИТ Как считают в Центре стратегических разработок «Северо-Запад», сейчас самое время сделать выбор: бороться со всеми составляющими кризиса или делать это выборочно. Вариантов может быть несколько: «удерживать» всю экономику за счет госпомощи целым отраслям и отдельным крупным предприятиям или осуществлять селективную поддержку и при этом проводить санацию неконкурентных компаний.

«Решать одновременно все проблемы вряд ли возможно — на это ни у какого государства средств не хватит, — говорит экономист банка ING в России Татьяна Орлова. — «Таргетированный» подход российского правительства, выражающийся в упоре на поддержку банковского сектора, рассчитан на то, что банковский сектор, в свою очередь, прокредитует реальный сектор, что приведет к общему оживлению экономики». С точки зрения теории, этот подход верен, считает эксперт. Банки должны быть наиболее эффективны при оценке рисков кредитования — при условии, что и кредитные риски ложатся на их плечи.

Впрочем, как показала практика нынешнего кризиса, банкиры далеко не всегда способны оценить риски. Правда, поверить в эффективность прямой раздачи средств государством подчас даже сложнее, чем в идеальных банкиров. Татьяна Орлова привела свежий пример, когда государству удалось решить проблемы в банковской сфере: «В 1999–2000 годах в Чехии государству пришлось заняться оздоровлением частных банков в связи с взрывообразным ростом просроченных кредитов до 32% в 1999 году. Доля просрочки снизилась до 12% к середине 2003 года, однако деприватизация банков привела к резкому росту государственных обязательств». Проблема долгового кризиса, переросшего в банковский, оказалась решена, но заплатили за это в первую очередь налогоплательщики. Прямо как в Исландии, где банковский долг буквально стал частным делом каждого жителя страны.

АНАЛОГИИ Часто система экономических связей очень сложна — некоторые меры могут давать неочевидные результаты. Интересным примером действий государства служит банковский кризис в 2001 году в Турции. Проблемы в экономике начались еще в 2000 году из-за слабости национальной валюты. Совместные действия МВФ и правительства страны привели к снижению инфляции и укреплению национальной валюты. Правда, стабилизация на валютном рынке сыграла дурную шутку, усугубив проблемы.

Сокращение волатильности привело к сокращению прибыльности инвестиционных операций в Турции ниже премии за риск. Иностранные инвесторы в одночасье стали спекулянтами — приток средств сменился их выводом. На пике кризиса объем оттока средств достиг $14,6 млрд. Хрупкое равновесие на валютном рынке было смыто миграцией капитала — курс турецкой лиры рухнул. Это привело к проблемам в обслуживании валютного долга банковской системой. Для стабилизации ситуации потребовалось провести вливания средств в государственные банки на сумму $17,4 млрд.

Важной особенностью Турции по сравнению с Россией можно назвать то, что количество банков в Турции, будучи изначально небольшим (на 1999 год — 89), в ходе кризиса еще сократилось. Аналог российского Агентства по страхованию вкладов получил под контроль 20 банков, из которых 12 были объединены, пять — проданы, в том числе иностранным инве-